

- разийского государства должно быть направлено к обеспечению действительного проведения в жизнь этого положения.
- XV. Частный сектор, путем обязательного синдицирования, организационно связывается с государственным и вводится в рамки планового хозяйства. Государственно-частная система, ~~обеспечивая свободу~~ хозяйственного самоопределения личности, не выходит в то же время из рамки планового хозяйства.
- XVI. Всем трудящимся обеспечивается свобода выбора хозяйственных форм и видов заработка. В частности, рабочим гарантируется свобода выбора между работой в государственном или частном предприятии, крестьянам — между работой в совхозе, колхозе или своем единоличном хозяйстве. Крестьянам обеспечивается свобода перехода в рабочие, а рабочим свобода такого же перехода в крестьяне.
- XVII. Евразийцы всецело разделяют проводимое в политике ВКП(б) принципиальное признание социального строя служебным в отношении интересов трудящихся и приветствуют план индустриализации, как усилие к обеспечению экономической независимости особого мира России-Евразии. Но они решительно заявляют, что осуществление этого плана осложнено множеством ненужных и вредных, с их точки зрения, моментов.
- XVIII. Евразийцы решительно отвергают материалистическую философию марксизма. Сам марксизм, отрицая в теории самостоятельное значение идеи, своею исторической ролью подтверждает решающее значение идеи в истории. Поэтому для евразийцев неприемлемы все элементы коммунистических планов, связанные с пропагандой материалистических идей.
- XIX. Осуществление коммунистического плана индустриализации, в его нынешнем варианте, связано с полным порабощением личности, проявляющемся в насильственном уничтожении частного сектора, насильственной коллективизации, тенденции к прикреплению рабочих к предприятию и т. д. Всё это проводится коммунистами в угоду отвлеченному догмату полного обобществления, вопреки соображениям экономической целесообразности. Этой стороне Плана евразийцы противопоставляют лозунг государственно-частной системы, которая ставит на службу интересам трудящихся и задачам обеспечения экономической независимости страны *все* наличные ее силы.
- XX. Отказ коммунистической теории и практики от использования полностью и без догматической предубежденности всех возможностей, как государственного, так и частного сектора России-Евразии приводит к постоянным перебоям, снижению и отрыву от реальности государственного строительства. Неизбежно должен наступить мо-

мент, когда среди коммунистов те, которые не утратили чувства реальности, должны будут обратиться к лозунгам и целям Евразийства.

- XXI. Предвидя и приветствуя такое обращение, евразийцы подчеркивают полную *независимость* Евразийского дела от принципов и установок коммунизма. Евразийцы стремятся к *преображению* существующего в СССР строя на основе Евразийства.

ФОРМУЛИРОВКА

ВВЕДЕНИЕ

Евразийство есть российское пореволюционное политическое, идеологическое и духовное движение, утверждающее особенности культуры Российско-Евразийского мира.

С теоретической стороны своеобразие евразийской культуры обосновывается рядом признаков, которые были выделены и описаны в евразийской литературе, а именно: географическими особенностями месторазвития евразийской культуры; особенностями наречий того языкового союза народов, которые населяют Россию-Евразию; особым мироощущением, отличающим евразийские народы и обусловленным особым складом их душевной и духовной жизни и особым от остального мира историческим процессом. Евразийцы считают, что все названные физические, душевные и духовные особенности находятся в глубокой внутренней связи и образуют природу культурной личности — России-Евразии. Судьбы евразийского мира в основном и важнейшем протекают особо от судеб стран к западу от нее (Европа), а также к югу и востоку от нее (Азия). Народы и люди, проживающие в пределах этого мира, способны к достижению такой степени взаимного понимания и таких форм братского сотрудничества, которые трудно достижимы для них в отношении народов Европы и Азии. В душе евразийских народов слышится особый созвучный ритм, и в этом смысле культурная личность России-Евразии является *симфонической*.

В согласии с выводами современной социологии и философии истории евразийцы учат, что культурная личность есть не простая сумма входящих в нее единичных людей, но некоторое высшее соборное единство, живущее своей собственной жизнью и имеющее собственную историческую судьбу. Из скрытых подсознательных глубин этой жизни истекает сложный поток явлений, в совокупности своей именуемых отдельной самостоятельной культурой. Своеобразие евразийской культуры развертывалось в истории российско-евразийского мира. Оно выражалось и в укладе все-евразийской державы Чингисхана и его преемников в XIII—XIV в. в., и в строе Московского

Государства XV—XVII в. в., и в огромном здании Российской Империи XVIII—XX в. в., — несмотря на стремление подражать Западу, несомненно представлявшей собой политическое образование, не имевшее подобного ни в Европе, ни в Азии. Оно проявляется также и в современном СССР, несмотря на идеологический западнический его уклон и даже вопреки ему. Оттого-то Петр I и Ленин суть евразийские варианты на заданные Западом и развернутые в евразийском месторазвитии социально-политические темы.

В учении своем об особой культурной личности Евразийство не придерживается тех крайностей, которые свойственны многим органическим теориям общества. Для Евразийства культурная личность не поглощает всецело отдельного человека, напротив того она существует через духовную жизнь отдельных людей. У культурной личности нет иного органа для выявления своей внутренней жизни, кроме сознания отдельного человека. Культурная личность есть, т. о., соборное единство всех входящих в нее индивидуумов — прошедших, настоящих и будущих, со всеми отображающими своеобразие культуры духовными и физическими качествами. Каждое поколение людей отражает только часть этих качеств, в полноте своей раскрывающихся в целостной истории отдельной культурной личности.

Евразийцы считают, что в истоках своих телесную организацию евразийская культура унаследовала как от древней Руси, так и от великой державы Чингисхана. Культура эта проникнута христианскими традициями Византии и испытала на себе влияние духовных заветов религий Азии. Сочетание этих элементов образовало величие Московской Руси, татарской, в основном, по своей материи, восточной и византийской по своему духу. Возникшее во вторую половину XVII-го в. и ставшее преобладающим в эпоху Империи стремление подражать Западу внесло значительные изменения в материальную и духовную природу российско-евразийского мира, однако не уничтожило его своеобразия. Для западного человека и Империя была царством „азиатским“ или „полу-азиатским“, так же как „азиатским“ является для него и современный коммунизм.

Для евразийцев прошлое России не есть просто царство „азиатской тьмы“. В сознании величия этого прошлого они стремятся опознать его положительные стороны, принять их и усвоить, развить и поднять на высшую ступень. В этом смысле Евразийство есть учение самобытническое, хранящее идею исторической преемственности и противопоставляющее себя подражательному западничеству. Евразийству совершенно чуждо некритическое отрицание Запада, так же как и его некритическое приятие. Евразийцы ценят могущественное деятельно-волевое напряжение, свойственное западному человеку, социальный пафос, вдохновляющий общественные идеалы западной культуры, дерзновенный дух исканий, приведший к ве-

ликим научным открытиям и вызвавший небывалый рост технических и производительных сил.

Но нельзя отрицать наличие серьезного послевоенного духовного и социального кризиса западной буржуазной культуры, как не отрицает его и сам Запад.

Русская Революция, совпавшая во времени с этим кризисом, ныне выдвигает свободную инициативу евразийского культурного творчества, и Евразийские народы призываются не только к самостоятельному построению основ собственного бытия, но и к участию в идейном руководстве судьбами мира. Оттого евразийское самобытничество не замыкается в себя, но ставит перед собой великие вселенские задачи. Евразийцы верят в свою общечеловеческую миссию, служение которой вдохновляет их не менее, чем служение своей собственной культуре.

Основная практическая и деятельная идея, которую выдвигают евразийцы, есть идея самопознания культуры и ее организации. Всякая культура, в том числе и евразийская, начинает свою жизнь в состоянии неопознанности тех своих задатков и устремлений, которые составляют внутреннее содержание ее бытия. Культурная жизнь протекает в этой стадии как бы во сне и из глубочайших источников бессознательного выходят те двигательные начала, под влиянием которых она растет и развивается. Стадия самопознания культуры наступает позднее, на высших ступенях культурного развития. Основной целью всякой культуры является возведение своей жизни на эту ступень самопознания. Не опознав тех ценностей, которые лежат в основе культуры, и тех принципов, которые ее двигают, нельзя ставить сознательно преднамеренных целей и осуществлять деятельность планомерного культурного строительства.

Евразийство ставит себе задачей раскрытие особенностей того культурного целого, которое носит имя России-Евразии. Евразийская культура до сей поры жила в состоянии неопознанности своего внутреннего существа, что, впрочем, не мешало блеску ее отдельных проявлений. Существовала большая культурная жизнь, в ее различных материальных и духовных проявлениях: в религии, в искусстве, в литературе, в особенностях мироощущения, накладывающих свою печать на быт, на социальный уклад, на государственное строительство, на хозяйственные отношения и т. п. Но не существовало никакого идейного течения, которое формулировало бы принципы этой культуры и возвело бы их на степень сознательных мотивов социального делания.

Основным моментом русской современности является факт Революции, к которому Евразийство и должно, в первую очередь, обратиться, в целях раскрытия и уяснения истинного культурного лица России. По мнению евразийцев, октябрьская революция, по внутреннему заложенному в нее, но не раскрытому ею смыслу, была евразийской. Раскрыть этот внутренний смысл

является ближайшей задачей Евразийства. Утверждение этого смысла в жизни и явится завершением революции.

По самому существу своему Евразийство есть *пореволюционное* течение; его нельзя понять, не учтя факта Революции; его стремления и цели теснейшим образом связаны с развёртыванием русского революционного процесса. В этих рамках Евразийство есть единственная значительная пореволюционная система мировоззрения и действия. Все другие внутренне-русские течения, не исключая и коммунизма, а тем более эмигрантские группировки, по характеру своему, суть явления *до-революционные*.

Особенности пореволюционной системы мысли и действия определяются внутренней диалектикой русского революционного процесса. Российская революция изобличает следующие, присущие ей и в ней раскрывающиеся противоречия: формально революция есть процесс религиозный — искание последней земной правды и стремление во что бы то ни стало ее осуществить; но по теоретическим учениям своим Революция оказалась безрелигиозной и даже более того: противорелигиозной и богоборческой. По политическому характеру своему Революция была процессом освободительным, стремлением широких народных масс сбросить с себя гнет старого режима и добиться вольной жизни; фактически же Революция породила еще более деспотический политический строй. По ценностным устремлениям своим Революция была индивидуалистической, означала собою попытку отдельного человека и целых народов эмансипироваться от принудительных связей со стороны государства, утвердить свое самочинное бытие и свою независимость от прежних общественных форм; но по своим действительным социально-политическим идеалам русская Революция оказалась коллективистической, приведшей к глубокому поглощению личности обществом, единичного — универсальным.

По социальным своим идеалам Революция была пролетарски-интернационалистической, стремящейся нивелировать социальные, групповые, классовые и национальные различия и построить деклассированное и денационализированное общество людей, основным социальным качеством которых должен быть общий социальный труд. Фактически Революция привела к построению Советского Государства, которое добровольно и открыто проводит принцип национального самоопределения и, несмотря на все старания, не может уничтожить в своих пределах социальных различий между отдельными группами населения: между рабочими и крестьянами, кулаками — середняками — бедняками, квалифицированными рабочими и неквалифицированными, советскими служащими и спецами. И в то же время, хоть и служа коммунистическому интернационалу, она силою вещей не может не проводить, в основном, евразийской внешней политики, защищая интересы того культурного целого, которое носит имя России-Евразии.

Евразийцы исповедуют глубокую уверенность, что только система обоснованных в их учении идей может привести к разрешению и снятию этих основных противоречий русского революционного процесса.

Евразийство утверждает себя прежде всего как система мировоззрения и действия, которые в последнем счете исходят из религиозных предпосылок и являются религиозно обоснованными. Пафос Революции, религиозный по форме и безрелигиозный по содержанию, Евразийство стремится наполнить религиозной идеей и освободить его от протиестественной связи с воинствующим атеизмом. Полнота Евразийства невозможна без веры в религиозный смысл мира и в существование в нем Божественного начала. Поэтому Евразийство безусловно враждебно атеизму во всех его формах, и благожелательно ко всякой вере, исповедуемой народами России-Евразии. По убеждению евразийцев, только вера в Божественное начало может служить основой человеческих отношений, проникнутых духом любви и неуклонным бережением личного достоинства человека.

Евразийство ценит и чтит начало свободы, однако не делает из него идола, как это свойственно некоторым течениям западной гуманитарной мысли. Свобода сама по себе есть идея, лишенная содержания и приобретающая ценностный смысл в зависимости от того, чем она наполнена. Свобода открыта одинаково и для добра, и для зла и только в наполнении добром приобретает она характер положительной ценности. Евразийство и стремится к тому, чтобы наполнить свободу теми ценностями, которые обнаруживаются и разворачиваются в жизни евразийской культуры. Принудительно никто не может стать евразийцем, т. к. к приятию евразийской системы можно прийти только в результате свободного убеждения. Но люди, свободно принявшие евразийство, не могут не строить своей жизни и жизни всего евразийского целого на евразийских началах. Это и есть евразийская организация культуры, как положительная миссия, стоящая перед каждым евразийцем. Стремясь к исполнению этой миссии, евразийцы чужды всякого безразличия в отношении к культурным задачам и целям, чужды всякого релятивизма. Они выдвигают принципы, в отношении к которым обнаруживают свою небезразличность. Принципы эти они превращают в цели, осуществляемые со всей силой волевого упора.

Евразийство проникнуто уважением к ценности человеческой личности, но в то же время оно безусловно враждебно к одностороннему культу животного человека, доходящему в пределе своем до обоготворения. Преклонение перед животным человеком, как наивысшей ценностью, привело на Западе к двум учениям, внешне враждебным друг другу, но по существу своему глубоко родственным: к материалистическому индивидуализму и к материалистическому же коллективизму. В первом абсолютной ценностью считается оторванный от дру-

гих людей, погруженный в личное себялюбие и изолированный индивидуум; во втором такую ценностью считается человеческий коллектив. Практического своего воплощения идеалы эти достигли в буржуазном индивидуализме и в коммунизме, столь отличных по своей внешности и столь родственных по духу.

Основное жизненное противоречие коммунизма сводится к тому, что в теории он стремится осчастливить отдельного человека через благосостояние общественного целого, но на практике приводит к систематическому истязанию человека, к мучению и издевательствам над ним. Своеобразная система личного истязания существует также в буржуазном индивидуализме, с его бессмысленной погоней за деньгами и непомерным напряжением сил, превращающим человека в бездушный механизм и менее всего обеспечивающим ему состояние душевного довольства и счастья. Отмеченное противоречие русской революции, индивидуалистической по своим истокам и коллективистической по своим результатам, находит свое объяснение в западных общественных идеалах, ее вдохновлявших. Русская революция и не разрешит их, пока не опознает своего евразийского существа.

Евразийство считает абсолютной ценностью не физического, а духовного человека, — человека, который опознал свое духовное существо, свое особое место в природе и свое отношение к Богу. Такой человек в удовлетворении плоти не может видеть свое главное призвание. Он далек и от материалистического индивидуализма и от материалистического коллективизма. Своим необходимым отношением к Богу и к другим людям обнаруживает он свою соборность. Но в соборности этой отдельная личность не распыляется в социальном целом, но творит вместе со всеми то общее дело, к которому каждый призван Богом.

Евразийцы с недоверием и отрицанием относятся ко всяким утопическим социальным системам, не считающимся с естественными законами развития человека и человеческих обществ. Они полагают, что в общественной жизни людей необходимо проявляется тот же закон социального обособления (социальной дифференциации), действие которого наблюдается во всем окружающем человека мире. Подчиняясь ему, мертвая материя образовала систему разнокачественных химических элементов, живое вещество — систему естественных видов и растений, человеческая история — систему различных рас, национальностей и культур, человеческое общество — систему различных социальных групп и классов, на которые общество неизбежно распадается. Оттого идеал общества, состоящего из совокупности стандартизованных человеческих существ, является противостественным и невыполнимым. Человеческое общество, в его целом, так же как и отдельный человек, достигает полноты своего развития тогда, когда порождает наибольшее богатство индивидуальных характеров и отдельных социальных формо-

образований. С этой точки зрения, чем больше в обществе социальных группировок, тем более простора для развития положительных социальных возможностей. Становясь членом социальной группы, человек качественно не только не обедняется, но вырабатывает свою особую физиономию, приобретает особый характер, становится носителем особого стиля жизни. Это невозможно в деклассированном обществе, идеал коего, родившись в борьбе против материальной нищеты, одновременно идеализировал культурный пауперизм. Общественный идеал с евразийской точки зрения есть соборное объединение отдельных социальных групп, имеющих, каждая, свое социальное лицо, гармонически согласованное с жизнью целого.

Евразийцы полагают, что задача социальной политики, построенной на реальной базе, заключается не в искоренении социальных различий, но в управлении теми необходимыми процессами, которые расчленяют человеческое общество и порождают в нем неизбежные социальные группировки. Стихийное течение этих процессов в предшествующей человеческой истории привело к образованию разделяющих человеческое общество экономических классов. Двигательным мотивом этого процесса является экономическая выгода и порожденный ею классовый интерес; социальным его результатом — классовое угнетение и классовая борьба, как основные явления человеческой истории. Это классовое начало отрицается евразийцами в той мере, в какой оно является связанным с эгоистическим классовым интересом, с общественной эксплуатацией и классовой враждой. Чтобы уничтожить эти социальные явления, необходимо экономический класс преобразить в функциональную социальную группу, социальное назначение которой состоит в исполнении определенной социальной миссии, в социальном служении. Управлять человеческим обществом умеет не тот, кто стирает с лица земли и истребляет целые классы, на месте которых, впрочем, вскоре возникают новые, вновь обреченные на уничтожение. Такая политика будет иметь один неизбежный результат: полное физическое истощение социального организма, над которым производятся опыты, противные его природе. Управлять человеческим обществом может тот, кто умеет заставить стихийно возникшие процессы действовать в желательном, общественно полезном направлении.

ГОСУДАРСТВО

По убеждению евразийцев, единственной силой, способной выполнить эту задачу, является надклассовое государство. Согласно воззрениям евразийцев, задача преобразования экономических классов в функциональные социальные группы издавна характеризует политическую историю России-Евразии. На раз-

решение этой задачи был направлен и тягловый сословный строй Московской Руси, и борьба с боярским правлением Ивана Грозного, и учреждение служилого сословия Петром I, и, наконец, организация единой правящей партии в Советском Государстве. Отрицательной стороной всех этих опытов является недостаточное преодоление ими классового начала, в экономическом смысле этого слова, находившее свое выражение в фактической диктатуре землевладельческих классов в России, московской и послепетровской, а также и в чисто классовом характере диктатуры советской. Русское Государство оставалось и продолжает оставаться организацией классового принуждения и господства, несмотря на упорное стремление преодолеть свою классовую природу. Евразийцы убеждены в том, что только их политическая система дает решение этой старой задачи, поставленной всей предшествующей историей России-Евразии.

Евразийцы считают, что решение названной задачи возможно только путем создания такого организованного порядка, который стоял бы выше классовых и групповых интересов, поверх них и над ними. Порядок этот должен быть властным и принудительным. Он должен обладать большей мощностью, чем каждая социальная группа в отдельности и чем любое сочетание социальных групп. Он должен быть, следовательно, суверенным. Такой властный порядок и есть государство, освобожденное от своей исторически-классовой и несовершенной природы и возведенное до своей истинной идеи. Но они решительно отмежевываются от отождествления государственной идеи с какой-либо исторической государственной формой. Им далека и политическая романтика реакционеров, и демократические утопии радикалов.

Первым условием существования надклассового государственного порядка является образование социальной группы, на которую он мог бы опираться и силами которой он мог бы действовать.

Социальная группа эта не совпадает ни с одним из социальных классов, даже если этот последний приобрел функциональный характер. Она должна быть **всеклассовой**. Принадлежность к ней должна определяться не какой-либо из отдельных частных функций, характеризующих деятельность других социальных групп евразийского общества, но особым общим, преобладающим в евразийском государстве, основным и главным признаком — именно исповеданием евразийской идеи, подчинением ей, „подданством“. Таков ведущий отбор в евразийском государстве, являющийся основой государственной власти, образуемый не по принадлежности к классу, но отбор чисто идеократический. Оттого евразийское государство и носит имя *идеократии*. Идеократия есть понятие, определяющее духовную сущность государства, как властной организации. Всякая духовно оправданная власть тем и отличается от голого насилия, что вдохновляется какой-либо идеей и ею оправдывается. Все исторические госу-